

ВОСПРИЯТИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО КАЛАМБУРА: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Г. Фомин, С. С. Медведев

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Введение. Описываются три основные модели построения межъязыковых каламбуров – полилингвальных образований, в которых осуществляется игра слов на разноязыковом материале, а также приводятся результаты экспериментального исследования восприятия межъязыковых каламбуров.

Цель исследования – установить воздействие экспликатора (вспомогательного вербального или иконического указателя на другой язык или атрибута «чужой» культуры) на восприятие межъязыковых каламбуров носителями русского языка; выявить наиболее понятные для носителей русского языка языковые модели межъязыковых каламбуров.

Материал и методы. Исследование проведено на материале 416 межъязыковых каламбуров, отобранных в сети Интернет методом целенаправленной выборки (9gag.com – 180, Reddit – 185, «ВКонтакте» – 51) в период с 2016 по 2019 г. Для интерпретации значений межъязыковых каламбуров были применены описательный метод и метод семантического анализа. Для оценки восприятия межъязыковых каламбуров был проведен лингвистический эксперимент, включающий два этапа: перевод и толкование значений иностранных лексем в 20 межъязыковых каламбурах. В эксперименте приняли участие 200 студентов языковых специальностей Кемеровского государственного университета и Новокузнецкого филиала Кемеровского государственного университета, Сибирского федерального университета и Алтайского государственного педагогического университета.

Результаты и обсуждение. Экспликатор, содержащийся в межъязыковом каламбуре, способствует правильному его восприятию. Антиципационная модель оказалась наиболее простой для понимания русскими респондентами, представленными ею межъязыковые каламбуры на основе английского языка были корректно определены в 45,2 % случаев. Каламбуры, представленные неологической моделью, менее понятны, особенно при отсутствии экспликатора (25 %). Каламбуры, описываемые имплицитной моделью, также воспринимаются респондентами, но в меньшем количестве случаев (19 %). Среди межъязыковых каламбуров, созданных на основе русского языка, наиболее понятны каламбуры, представленные антиципационной моделью, – 51,75 %, далее следуют каламбуры, которые могут быть отнесены к неологической и имплицитной моделям – 50,6 и 15 % соответственно.

Заключение. Иконический или вербальный экспликаторы являются важными, но не критичными для понимания межъязыковых каламбуров. Однако в том случае, когда иноязычные элементы (лексеммы или их часть) не выражены в каламбуре эксплицитно, экспликатор является необходимым условием успешного восприятия межъязыкового каламбура. Антиципационная и неологическая модели описывают наиболее понятные межъязыковые каламбуры.

Ключевые слова: межъязыковой каламбур, игра слов, диаморфическая связь, экспликатор, лингвистический эксперимент, языковая модель.

Введение

Статья посвящена экспериментальному исследованию восприятия межъязыковых каламбуров, являющихся полилингвальными образованиями, в которых элементы из одного языка (лексеммы, словосочетания) взаимодействуют с элементами из другого.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей частотностью употребления межъязыкового каламбура, свидетельствующей о значительном воздействии глобализации на все сферы человеческой деятельности, что находит отражение в изменениях этнокультуры и языка народа. В ходе кросс-культурного взаимодействия различные элементы (лексеммы, идиоматические выражения) все прочнее укореняются в сознании индивидов, зачастую не являющихся билингвами или не способ-

ных осуществлять коммуникацию на языке – источнике иноязычных элементов. Наиболее примечательно, что данные лексеммы еще не закреплены в словарях в качестве заимствований, но уже являются частью языкового инвентаря все большего количества людей, не владеющих иностранным языком, используемым в каламбуре.

Материал и методы

В данной статье межъязыковой каламбур понимается как законченное текстовое единство, где происходит взаимодействие языков, заключающееся в переосмыслении исходной семантики лексеммы на языке-основе (основном языке, на котором составлен каламбур) на основании сходства (семантического, графического и (или) фонетического) с лексеммой из языка-донора (иностранного языка по

отношению к каламбуру). Следует отметить, что иноязычные лексемы могут употребляться авторами каламбура в исходном виде или претерпеть ряд изменений, затрагивающих орфографию или фонетику (в том случае, когда прочтение иностранной лексемы противоречит фонетическим законам языка-донора).

Межъязыковой каламбур можно рассматривать как частный случай макаронизма (использования иноязычной лексики в тексте) [1, с. 68]. Межъязыковые каламбуры могут основываться как на близкородственных языках, так и принадлежащих разным языковым семьям, к примеру, весьма многочисленны японско-английские (и наоборот) межъязыковые каламбуры [2].

В работах исследователей используется термин «двуязычный/двуязыковой каламбур», являющийся калькированным переводом английского термина *bilingual pun*, который можно обнаружить у Д. Кристла: «Если вы владеете английским и валлийским... вы можете шутить, вставляя английские слова в валлийский текст... создавая двуязычные каламбуры [*bilingual puns*] и игру слов, которые находятся за пределами монолингва» [3, с. 4]. Для сравнения: «...в одной из предыдущих наших работ было выявлено наличие двуязычного каламбура “шутить” – shoot (стрелять), связанного с английским языком...» [4, с. 134]. М. Еленевская рассматривает «двуязычную игру слов» среди мигрантов, осуществляемую на уровне предложения [6]. В работах отечественных исследователей можно обнаружить термин «двуязыковые каламбуры» [5, с. 22].

Однако существуют каламбуры, использующие слова из трех и более языков одновременно, к примеру в романе Джеймса Джойса «*Finnegans Wake*» («Поминки по Финнегану»): *My branches lofty are taking root. And my cold cher's gone ashley. Fieluhr? Filou! What age is at?* [6, с. 213]. *Filou* в переводе с французского означает «пройдоха, негодяй». Несуществующее слово *Fieluhr* имеет схожую, но не идентичную фонетическую и графическую оформленность и с *Filou*, и с немецким *Wie viel Uhr?* (с точки зрения графики важно отметить совпадающие элементы *ie* и *uhr*), но в последнем случае речь идет исключительно о фонетическом соответствии. Данный вопрос переводится с немецкого на русский как «Который час?». Далее автор видоизменяет этот вопрос на «What age is at?». Таким образом, в данном межъязыковом каламбуре происходит взаимодействие французского, немецкого и английского языков.

Можно предположить, что доминирование термина *bilingual pun* обусловлено более широкой пространственностью каламбуров на основе двух языков, что подтверждается материалами исследования, однако данный термин нельзя назвать ис-

черпывающим и максимально точно описывающим природу данного феномена, поскольку подобная формулировка предполагает взаимодействие только двух языков в рамках высказывания. Таким образом, термин «межъязыковой каламбур» представляется максимально точно отражающим суть данного явления.

Взаимодействие языков в рамках межъязыкового каламбура обуславливает ряд особенностей, отличающих межъязыковой каламбур от одноязыкового (т. е. составленного с использованием ресурсов одного языка).

Во-первых, для межъязыковых каламбуров во многих случаях необходимо наличие определенной подсказки для того, чтобы каламбур был более эксплицитным и, следовательно, более простым для восприятия реципиентом. Данную подсказку можно обозначить как «экспликатор» – вербально или невербально выраженное указание на язык, страну (или ее атрибут), из которых взято иностранное слово. Приведем следующий пример: *I ate ice cream in Germany which is 'n Eis* (англ. *nice* ‘хорошо, неплохо’ и нем. *'n* (усеченная разговорная форма неопределенного артикля *ein*) *Eis* ‘мороженое’). Вербальным экспликатором в данном примере является *Germany* (Германия). Е. Я. Шмелева отмечает, что для адекватного и полного восприятия поликодового текста, которым является межъязыковой каламбур, реципиенту необходимо предоставить какую-либо подсказку, указывающую на «чужой» код [7]. С. Кноспе приводит схожий аргумент: «Что касается сопутствующей тексту информации, она также релевантна в процессе обработки игры слов» [8, с. 166]. Необходимо отметить, что креолизация позволяет выразить экспликатор иконически, к примеру, с помощью изображения флага, герба или иной атрибутики страны языка-донора.

Во-вторых, для одноязыковых каламбуров необходима пара таких лексем, которые обладают практически полностью идентичным графическим и фонетическим оформлением. Следовательно, в случае межъязыковых каламбуров необходима пара подобных лексем, принадлежащих разным языкам. Д. Делабастиа отмечает, что возможность существования межъязыковых каламбуров обусловлена сходством отдельных элементов фонетических систем, позволяя автору каламбура воспользоваться «сегментным фонетическим сходством» [9, с. 155]. Развивая данное утверждение, С. Кноспе выделяет межъязыковую омонимию и паронимию в качестве основы межъязыкового каламбура [10, с. 180].

Однако существуют разные подходы к интерпретации межъязыковой омонимии и паронимии. К примеру, Е. В. Федорчук разграничивает эти по-

нения. При межъязыковой омонимии обнаруживается идентичное написание и звучание двух и более разноязычных лексем, а в случае паронимии речь идет лишь о сходстве, подобии в значении/написании [11]. В энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ю. Н. Караулова также используется термин «межъязыковая паронимия» [12, с. 327]. При этом не уточняется степень «внешнего сходства» межъязыковых паронимов.

Термины «межъязыковые паронимы/омонимы» и «ложные друзья переводчика» не всегда разграничиваются [13, с. 129–136; 14, с. 141–146]. Межъязыковые омонимы и паронимы, однако, отличаются от ложных друзей переводчика тем, что последние являются этимологически родственными словами, чье лексическое значение стало различным ввиду исторического развития языковых систем. Исследователи также необоснованно отождествляют и межъязыковой каламбур с межъязыковой паронимией. Различие заключается в том, что межъязыковая паронимия является лишь средством создания межъязыкового каламбура.

В контексте данного исследования наиболее релевантным является подход немецкого лингвиста Э. Хаугена, который обозначает фонетически и (или) графически идентичные пары лексем, принадлежащие разным языкам, как диаморфы. Примечательно, что компоненты диаморфической пары могут принадлежать разным частям речи [15, с. 220]. Необходимо отметить, что абсолютное фонетическое тождество слов, принадлежащих разным языкам, априори невозможно вследствие уникальной для каждого языка системы фонетики и способов артикуляции; под фонетическим соответствием в данном случае понимается лишь приблизительное созвучие разноязычных лексем. В данной статье «диаморфическая связь» обозначает сам факт использования двух созвучных разноязычных слов, их столкновение в рамках текстового единства. Другими словами, базой для взаимодействия языков в составе межъязыкового каламбура является именно диаморфическая связь, которая может осуществляться по-разному.

Межъязыковые каламбуры, построенные на графических диаморфах, соответственно, основываются на совпадении разноязычных лексем на уровне орфографии: например, нем. *Kinder* ‘дети’ и англ. *kind* ‘добрее’. Фонетические диаморфы обладают схожим произношением при полном или частичном несовпадении в плане орфографии: к примеру, исп. *Juan* (Хуан) /xwan/ и англ. *one* /wʌn/ ‘один’.

Необходимо отметить, что особенности фонетической системы языка-основы могут приводить к такому созвучию двух и более лексем языка-основы, которое невозможно при употреблении конкретного каламбура в рамках другого языка-

основы. Проиллюстрируем данную ситуацию с помощью следующего примера: *To-Love-Ru* (название японского аниме-сериала, который в оригинале также записывается латиницей). При прочтении данного названия по правилам японского языка создается каламбур, поскольку японский зритель прочитает получившийся окказионализм как *to-rabu-ru*, что в свою очередь созвучно с тем, как японец прочитал бы английское слово *trouble* ‘беда, проблема’. Подобная ситуация, когда вследствие особенностей фонетических законов языка-основы слово (или его фрагмент) из языка-донора становится омонимом другого слова или его фрагмента из языка-донора, характерна для японского языка.

В-третьих, согласно В. С. Виноградову, структурную основу любого каламбура составляет столкновение двух компонентов: стимулятора и результаты: «Первый компонент такого двучленного образования является своеобразным лексическим основанием каламбура, опорным элементом, стимулятором начинающей игры слов, ведущей иногда к индивидуальному словотворчеству. Опорный компонент (стимулятор, основание) можно также рассматривать в качестве лексического эталона “игровой инструкции”, который соответствует существующим орфографическим, орфоэпическим и словоупотребительным нормам языка» [16, с. 105]. Второй компонент конструкции, результата (также обозначаемая В. С. Виноградовым как перевертыш), является «результатирующим компонентом... представляющим собой как бы вершину каламбура. Лишь после реализации в речи второго компонента и мысленного соотнесения его со словом-эталонном возникает комический эффект, игра слов. Результанта может быть взята из лексических пластов, как составляющих литературную норму языка, так и находящихся за ее пределами, или вообще относиться к фактам индивидуальной речи» [16]. Однако существуют межъязыковые каламбуры без вербально или невербально выраженной иноязычной лексемы. Перевод стимулятора в сознании реципиента активизируется благодаря контексту, в котором встречается высказывание, или с помощью отсылки к конкретному экстралингвистическому факту. Подобный вид межъязыковых каламбуров представляет большой интерес ввиду усеченной структуры (фактически отсутствует иностранный компонент), который можно было бы принять в качестве результаты. Кроме того, стимулятор также является имплицитным, поскольку он выносится на первый план в высказывании в ходе противопоставления со своим переводом на иностранный. Следовательно, компонент межъязыкового каламбура, который является переводом стимулятора или результаты и семантика которого участвует в игре слов, можно обозначить как «транслят».

Основываясь на указанных структурно-формальных особенностях межъязыковых каламбуров, можно создать три языковые модели межъязыковых каламбуров.

В основе первой модели лежит сопоставление диаморфов. Модель можно представить следующим образом: вербально или невербально выраженный стимулятор из основного языка каламбура (или подразумеваемая лексема из основного языка в случае выражения стимулятора невербально) соотносится с вербально или невербально выраженной результатной из языка-донора, которая представляет собой перевод стимулятора на язык-донор, в то время как она является диаморфом другого слова, ожидаемого реципиентом высказывания в виду его уместности в данной синтагме (который по аналогии с процессом антиципации можно обозначить как «антиципант»). Таким образом, комический эффект строится на нарушении антиципации, а саму модель можно обозначить как «антиципационная модель». Представить данную модель можно в виде следующей схемы и следующего примера: *Why does the French order 1 egg for breakfast? Because one egg is un oeuf*. Так, экспликатор *the French* побуждает реципиента применить интерлингвистические знания и перевести оба компонента на французский и английский соответственно, в то время как *un oeuf* «одно яйцо» является фразовым диаморфом *enough* (англ. «достаточно»). Таким образом, из одного высказывания путем диаморфической связи разворачиваются два: *One egg is enough* и *One egg is one egg*, а комичность обусловлена столкновением этих двух планов содержания, одно из которых является абсурдно-очевидным.

Вторая языковая модель межъязыкового каламбура может быть описана следующим образом: и стимулятор, и результат, являющиеся диаморфической парой, материально воплощены в пределах одной лексем/фразы, в то время как в рамках синтагмы на первый план выносятся семантика стимулятора на языке-основе. Межъязыковая игра слов активизируется в тот момент, когда реципиент осуществляет перевод стимулирующей лексемы на необходимый язык, из которого использован диаморф, таким образом, подставляя семантику диаморфа из языка-донора. Столкновение двух получившихся планов выражения создает комический эффект. Данные каламбуры в целом являются довольно сложными для понимания реципиентом, если отсутствует вербально или невербально выраженный стимулятор, что позволяет заявить об имплицитном характере подобной игры слов. Следовательно, данную модель можно обозначить как «имплицитная». Например: *the French are so hardcore, they eat pain for breakfast*. В данном при-

мере также наблюдается англо-французская межъязыковая игра слов между графическими диаморфами. Так, *pain* «боль» является межъязыковым омографом французского *pain* «хлеб». Фонетически же данные слова весьма различны (ср. англ. /reɪn/ и фр. /pɛ̃/). Пара *Pain* – хлеб, являющаяся невербально выраженным стимулятором, в какой-то степени уже присутствует в стимуляторе *pain* – боль, однако актуализация диаморфической связи осуществляется при наличии определенного уровня знания французского языка.

Третья языковая модель основана на соединении в одной лексеме стимулятора и результаты с помощью блендинга, в следствие чего данную модель можно обозначить как «неологическая», поскольку бленд приводит к созданию неологизмов. Рассмотрим следующий пример: «Лакки» (вывеска магазина косметики). В данном случае межъязыковая игра слов базируется на диаморфической связи русского слова «лаки» (множественное число слова «лак», одного из косметических товаров) и англ. *lucky* «счастливый, везучий». Следует отметить, что в контексте русско-английских межъязыковых каламбуров допустимыми являются два возможных способа реализации данной модели: как с приведением двух лексем к графическому единообразию, так и с сохранением алфавита языка-донора. Примером второго случая является *Historия* (от англ. *his* «его» и рус. «история»).

Для проведения экспериментального исследования из всего массива каламбуров было отобрано 20, представленных всеми моделями и содержащих в структуре вербальный и (или) иконический экспликатор либо не имеющих его.

Целью эксперимента было установить влияние экспликатора, выражаемого иконически или вербально в качестве указания на другой язык или культурный атрибут, на восприятие каламбура, а также определить наиболее простые для понимания языковые модели межъязыковых каламбуров.

Эксперимент был проведен с использованием Google-форм, размещенных в сети Интернет; респондентами выступили студенты языковых специальностей 1–5-го курсов Кемеровского государственного университета и Новокузнецкого филиала Кемеровского государственного университета, Сибирского федерального университета и Алтайского государственного педагогического университета. Общее количество респондентов составило 200 человек. Эксперимент предполагал полную анонимность.

Выбор данной социальной группы обусловлен рядом факторов. Во-первых, студенты высших учебных заведений в возрасте от 18 до 23 лет, будучи при этом уже относительно или полностью сформировавшимися личностями с определенным

языковым и межъязыковым опытом, являются наиболее репрезентативными для изучения текущего состояния языка. Кроме того, участие в экспериментальном исследовании студентов именно языковых направлений обусловлено тем, что восприятие межъязыковых каламбуров предполагает наличие определенного уровня владения иностранным языком.

Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе респонденты должны были перевести 10 межъязыковых каламбуров. Задание было сформулировано следующим образом: «Переведите каламбуры на русский язык». На выполнение задания было отведено 10 минут. Участникам эксперимента был ограничен доступ к различным вспомогательным средствам (машинным переводчикам, словарям, справочникам). Ниже представлен список каламбуров для выполнения первого задания. Пояснения к каламбурам в виде перевода их частей, а также указания языковых моделей не были даны участникам эксперимента.

1. Don't eat the French fish – it's poisson! (игра слов между англ. *poison* (яд) и фр. *poisson* 'рыба'). Примерный перевод: 'Не ешьте французскую рыбу, она яд'; модель – антиципационная).

2. What kind of music does the sun listen to? SOL music! (игра слов между англ. *sun* 'солнце' и исп. *sol* 'солнце', которое является диаморфом англ. *soul* 'душа', обозначающий и жанр музыки «соул»; модель – антиципационная. Примерный перевод: 'Какую музыку слушает солнце? Соулнечную').

3. Have a terre-ific day! (игра слов между англ. *terrific* 'потрясающий' и фр. *terre* 'земля'; модель – неологическая. Примерный перевод: 'Прекрасно-го/Земляного дня!').

4. NO MATTER HOW KIND YOU ARE, GERMAN CHILDREN ARE KINDER (игра слов между англ. *kinder* 'добрее' и нем. *kinder* 'дети'; модель – имплицитная. Примерный перевод: 'Как бы добры вы ни были, немецкие дети – добрее/дети').

5. Did you read his new book? 'Mein Kampf is bigger than your kampf' (игра слов между англ. *mine* (притяжательное прилагательное «мой») и нем. *mein* (притяжательное прилагательное «мой»); модель – имплицитная. Примерный перевод: 'Вы читали его новую книгу? 'Mein kampf больше, чем твой kampf').

6. What happened to the Spanish Captain who said "Yes" too much? He got "Si-sick" (игра слов между англ. *sea-sick* 'морская болезнь' и исп. *sí* 'да'); модель – неологическая. Примерный перевод: 'Что случилось с испанским капитаном, который говорил "Да" слишком часто? Морская/Да-болезнь').

7. What do German cars say when they're confused? "Warum Warum!" (игра слов между англ.

vroom (ономатопэтика, обозначающая звук двигателей автомобилей) и нем. *warum* 'почему'; модель – антиципационная. Примерный перевод: 'Что говорят немецкие машины, когда они чего-то не понимают? «Варум, варум!/Почему, почему!»').

8. Why did the mushroom eat Wheaties? It's the breakfast of *championones* (игра слов между англ. *champions* 'чемпионы' и исп. *championones* 'грибы', соотносимый с англ. транслятом «mushroom» (грибы); модель – антиципационная. Примерный перевод: 'Почему гриб съел Wheaties? Это завтрак чемпионов/шампиньонов').

9. French people are so hardcore, they eat pain for breakfast (игра слов между англ. *pain* 'боль'; фр. *pain* 'хлеб'; модель – имплицитная. Примерный перевод: 'Французы такие крутые, что едят хлеб/боль на завтрак').

10. Matrioscats (игра слов между англ. *cats* 'кот'; рус. матрешка; модель – неологическая. Примерный перевод: 'Матрешкоты').

Иконически выраженный экспликатор присутствует в каламбурах: № 1, 3, 7, 9; вербальный – в каламбурах № 1, 4, 6, 9.

В ходе второго этапа эксперимента респондентам было предложено 10 межъязыковых каламбуров (язык-основа – русский), в которых нужно было указать значения использованных иностранных лексем. Формулировка задания выглядела следующим образом: «Напишите значения иностранных слов, использованных в каламбурах». На выполнение задания было отведено 10 минут. Участникам эксперимента также был ограничен доступ к вспомогательным средствам. Ниже представлен список межъязыковых каламбуров для выполнения второго задания с объяснением иностранных слов (эта информация также не была доступна респондентам).

1. Идешь к нам в клуб некодинга! (изображение кота) (яп. *neko* 'кот'; англ. кодинг, программирование, являющееся дериватом англ. *code* 'код' прочно закрепилось в словарях русского языка).

2. Секситан'и'я (англ. *man* 'мужчина').

3. Кішки (слева – изображение желудочно-кишечного тракта, справа – кошки) (игра слов – укр. кішки 'кошки').

4. Лакки (название магазина профессиональной косметики для волос, от англ. *lucky* 'счастливый, везучий').

5. Вееглога (англ. *beer* 'пиво').

6. Старички поймут... Блин, олдскулы свело (англ. *old-school* 'старая школа, старомодный').

7. Какое событие начали праздновать 2018 лет назад? Новый God (англ. *God* 'Бог').

8. Пьянству бой, а бою – герл! (англ. *boy* 'мальчик' и *girl* 'девочка').

9. Немцы после Второй мировой войны в Париже стараются не говорить по-немецки, поэтому де-

лают заказ по-английски: «Two martinis, please». «Dry?» – переспрашивает официант. «Nein, zwei!» – отвечают немцы (нем. *nein* ‘девятнадцать’, *zwei* ‘два’; англ. *dry* ‘сухой’, *two martinis, please* ‘два мартини, пожалуйста’).

10. Что русскому гора, то японцу – яма! (яп. *yama* ‘гора’).

Иконический экспликатор присутствует в каламбурах № 1, 2, 3, 5; вербальный – в № 9, 10.

В случае если перевод каламбура или определение иностранных лексем представлялись слишком трудными для респондентов, они пропускали вопрос.

Результаты и обсуждение

Результаты, полученные в ходе первой части эксперимента, представлены в табл. 1. Количество указано в процентном соотношении, исходя из общего количества респондентов (200 человек). Каламбуры сгруппированы в порядке убывания по показателю успешности предложенных респондентами вариантов перевода.

В табл. 1 под успешным переводом понимался тот, в котором либо сохранена межъязыковая игра слов, либо указаны слова из языка-донора. Ошибочными считались переводы, в которых отсутствовала двусмысленность и (или) никак не были обозначены слова из языка-донора. Интерпретационные ответы – случаи, когда респонденты ограничивались указанием на значения использованных иностранных лексем без перевода самого текста каламбура.

Вербальный экспликатор, как показали результаты первой части эксперимента, является более важным для успешной интерпретации межъязыковых каламбуров, чем иконический, поскольку он заключается непосредственно в отсылке к необходимой лингвокультуре, из которой взят иноязычный элемент, в то время как иконический знак, по всей видимости, является слишком отвлеченным и не вызывает необходимых языковых ассоциаций у реципиентов. Однако в трех самых понятных межъязыковых каламбурах экспликатор отсутствует. Из этого следует, что для респондентов большее значение имеет непосредственно языковой материал, обыгрываемый в каламбуре, а не дополнительные лингвистические или иконические средства.

Наиболее понятные каламбуры представлены антиципационной моделью (62, 57, 52 % корректных ответов). Однако каламбур, воспринятый

Таблица 1

Результаты первой части эксперимента

Каламбур	Успешные переводы, %	Отказ от ответов, %	Ошибочные переводы, %	Интерпретационные ответы, %	Иконический экспликатор	Вербальный экспликатор
№ 2 – <i>sol</i>	62	23	10	5	–	–
№ 8 – <i>championones</i>	57	20	7	16	–	–
№ 5 – <i>mein kampf</i>	52	31	8	9	–	–
№ 6 – <i>si-sick</i>	43	40	9	8	–	+
№ 3 – <i>terre-iffic</i>	40	37	11	12	+	–
№ 9 – <i>pain</i>	23	41	32	4	+	+
№ 4 – <i>kinder</i>	15	44	36	5	–	+
№ 7 – <i>warum</i>	10	40	23	27	+	+
№ 1 – <i>poisson</i>	9	61	20	10	+	+
№ 10 – <i>matrioscats</i>	8	73	22	0	–	–

Примечание. «+» – присутствует, «–» – отсутствует.

Таблица 2

Результаты второй части эксперимента

Каламбур	Правильные ответы, %	Отказы от ответа, %	Неверные ответы, %	Неадекватные/неполные ответы, %	Иконический экспликатор	Вербальный экспликатор
№ 4 – <i>lucky</i>	84	13	0	3	–	–
№ 3 – <i>kiški</i>	71	25	0	4	+	–
№ 5 – <i>beer</i>	70	10	17	3	+	–
№ 7 – <i>god</i>	69	7	0	24	–	–
№ 8 – <i>boy/girl</i>	56	24	4	16	–	–
№ 2 – <i>man</i>	54	30	9	7	+	–
№ 6 – <i>oldschool</i>	49	20	11	20	–	–
№ 10 – <i>yama</i>	15	70	12	1	–	+
№ 9 – <i>drei/dry</i>	11	18	5	66	–	+
№ 1 – <i>neko</i>	9	40	30	11	+	–

Примечание. «+» – присутствует, «–» – отсутствует.

лишь в 11 % случаев, также представлен этой моделью. Неологическая модель описывает два следующих по правильности понимания межъязыковых каламбура (43 и 40 % правильных ответов). Каламбуры, находящиеся на шестом и седьмом месте по количеству правильных реакций (23 и 15 %), представлены имплицитной моделью. Каламбуры, расположенные на последних двух местах в таблице (9 и 8 % правильных ответов), представлены неологической моделью. Таким образом, результаты первого этапа эксперимента показывают, что русскоязычные реципиенты успешно обнаруживают «чужеродные» слова для английского языка и выявляют иноязычные элементы, интегрированные в английское слово. При этом наличие экспликатора не может считаться критерием успешности восприятия межъязыковых каламбуров, представленными имплицитной моделью.

Результаты, полученные в ходе второго этапа эксперимента, представлены в табл. 2.

Под неверными ответами подразумевали неправильное значение иностранной лексемы или указание не всех участвующих иностранных слов. Неполные/неадекватные ответы – иностранное слово выписывалось без указания его значения или была попытка перевода каламбура на английский язык. Каламбуры сгруппированы в порядке убывания по показателю успешности определения респондентами иностранных лексем.

В ходе второй части эксперимента было установлено, что респонденты в целом успешно справляются с задачей определения значений иностранных лексем, участвующих в межъязыковой игре слов, т. е. понимают межъязыковой каламбур. При этом наличие иконического экспликатора является более важным для успешного восприятия. Так, два каламбура, содержавшие вербальный экспликатор, были понятны лишь небольшому количеству респондентов (15 и 11 %). Однако наименее понятный каламбур (9 % корректных ответов) содержал иконический экспликатор.

Что касается языковых моделей, респонденты чаще корректно определяли межъязыковую игру слов в межъязыковых каламбурах, представленных антиципационной моделью (71, 69, 56, 11 %). Два каламбура, описываемых неологической моделью, также успешно воспринимались в 84 и 70 % случаев. Необходимо отметить, что такие каламбуры становятся более понятными в случае смешения

систем письменности, что, очевидно, делает межъязыковую игру слов более явной. Каламбур, представленный имплицитной моделью, оказался гораздо менее понятным для респондентов (15 % правильных ответов). Однако наименее понятным оказался каламбур, также представленный неологической моделью (9 %). Это обусловлено тем, что в данном случае отсутствует смешение систем письменностей, а слово *neko*, которое находится в получившемся неологизме «некодинг», взято из японского языка, гораздо менее понятного русским респондентам, чем английский.

В среднем англоязычные межъязыковые каламбуры, представленные антиципационной моделью, были успешно восприняты в 45,2 % случаев; неологической – в 25, имплицитной – 19 %. В межъязыковых каламбурах с русским языком-основой антиципационная модель описывает межъязыковые каламбуры с 51,75 % верных ответов, неологическая – 50,6, имплицитная – 15 %.

Заключение

Данные, полученные в ходе двухэтапного лингвистического эксперимента, позволяют сделать следующие выводы: вербальный экспликатор, отсылающий к языку-донору, обеспечивает успешное восприятие межъязыковых каламбуров. Однако большую роль играет сам языковой материал в составе межъязыкового каламбура. Таким образом, экспликатор, будучи важным структурным компонентом каламбура, не является критичным для его понимания.

Межъязыковые каламбуры, представленные антиципационной и неологической моделями, в большинстве случаев правильно воспринимаются реципиентами. Иноязычные элементы в данных каламбурах (целые лексемы или их части, фрагментарно представленные в слове на языке-доноре) успешно определяются реципиентами, особенно при использовании смешанной графической системы или реферировании языка-донора вербальными средствами. Каламбуры, представленные имплицитной моделью, наименее понятны респондентам, что ожидаемо, учитывая высокий уровень сложности восприятия данного вида межъязыковых каламбуров, поскольку при отсутствии необходимого уровня владения иностранным языком они воспринимаются как текст, полностью составленный на родном языке, не содержащий игры слов и не вызывающий комического эффекта.

Список литературы

1. Трифонова Н. С. Опыт построения классификации каламбуров // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № S8. С. 66–70.
2. Медведев С. С., Фомин А. Г. Межъязыковые каламбуры в аниме-сериалах «One Piece» и «Gintama» как следствие процесса глобализации // Вестн. КемГУ. 2015. Т. 3, № 4 (64). С. 212–216.
3. Crystal D. Is Welsh Safe? 1998. URL: <http://www.davidcrystal.com/?id=4216&fromsearch=true#iosfirsthighlight> (дата обращения: 20.08.2019).

4. Заславский О. Б. О звуко-смысловых переключках и межъязыковой интерференции в «Выстреле» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. Т. 2, № 4. С. 132–143.
5. Еленевская М. Двухязычный юмор иммигрантов: языковая игра и социальная адаптация (на примере смеховой культуры русскоязычных израильтян) // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 7–27.
6. Joyce J. *Finnegans Wake* / Faber & Faber: London, 1975. 628 p.
7. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Межъязыковой каламбур в русских анекдотах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2011. Вып. 10 (17). С. 782–789.
8. Knospe S., Onysko A., Maik G. *Crossing Languages to Play with words: Multidisciplinary Perspectives*. Berlin: de Gruyter, 2016. 406 p.
9. Delabastita D. *There's a Double Tongue: An Investigation Into the Translation of Shakespeare's Wordplay, with Special Reference to Hamlet*. Amsterdam: Atlanta, 1993. 522 p.
10. Knospe S. A Cognitive Model for Bilingual Puns // *Wordplay and Metalinguistic. Metadiscursive Reflection. Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection. The Dynamics of Wordplay* (ed. Zirker, Winter-Froemel). Berlin: de Gruyter, 2015. P. 152–190.
11. Федорчук Е. В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 257 с.
12. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Дрофа, 1997. 327 с.
13. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1970. 174 с.
14. Будагов Р. А. Человек и его язык (заметки об отношении людей к литературному языку) // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 3–14.
15. Haugen E. *The Analysis of Linguistic Borrowing* // *Language*. 1950. № 26 (2). P. 210–231.
16. Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы: учеб. пособие. М.: КД «Университет», 2004. 204 с.

Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, Кемеровской государственной университет (ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000). E-mail: andfomin67@mail.ru

Медведев Сергей Сергеевич, аспирант, Кемеровской государственной университет (ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000). E-mail: smedvedev08@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.08.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-7-79-87

AN EXPERIMENTAL STUDY OF BILINGUAL PUNS

S. S. Medvedev, A. G. Fomin

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

Introduction. The article describes three main models for constructing bilingual puns – multilingual formations in which wordplay is performed on multilingual material. We also present the results of a linguistic study of bilingual puns. The purpose of the study is to establish the role of an auxiliary verbal or iconic indicator of another language or an attribute of a “foreign” culture, as well as to define the language models that describe the most understandable bilingual puns for Russian respondents.

Material and methods. The study was conducted on the material of 416 bilingual puns selected on the Internet using a targeted sampling method (9gag.com – 180, Reddit – 185, “Vkontakte” – 51) from 2016 to 2019. To interpret the meanings of interlanguage puns, the descriptive method and the method of semantic analysis were used. To assess the perception of bilingual puns, a linguistic experiment was conducted that included two stages: translation and interpretation of the meanings of foreign words in 20 bilingual puns. The experiment was attended by 200 students of linguistic specialties of the Kemerovo State University and the Novokuznetsk branch of the Kemerovo State University, Siberian Federal University and Altai State Pedagogical University.

Results and discussion. An explicator within a bilingual pun contributes to its correct perception. The anticipatory model turned out to be the easiest for Russian respondents to understand, with English-based bilingual puns described by this model were correctly identified in 45.2 % of cases. Puns represented by the neological model are less obvious, especially in the absence of an explicator (25 %). Puns described by the implicit model are also perceived by respondents, but in significantly fewer cases (19 %). Among Russian-based bilingual puns, the most understandable are the bilingual puns represented by the anticipation model – 51.75 %, followed by puns that can be attributed to the neological and implicit models – 50.6 and 15 % respectively.

Conclusion. An iconic or verbal explicator is important, but not critical, for understanding bilingual puns. However, when borrowed elements (complete words or their fragments) are not explicitly expressed in puns, an explicator is necessary for successful perception of the pun. The anticipatory and neological model describe the most understandable interlingual puns.

Keywords: *bilingual pun, wordplay, Internet-memes, polylingualism.*

References

1. Trifonova N. S. Opyt postroyeniya klassifikatsii kalamburov [An attempt at creating a classification of puns]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki – University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, 2003, no. S8, pp. 66–70 (in Russian).
2. Medvedev S. S., Fomin A. G. Mezhyazykovyye kalambury v anime-serialakh “One Piece” i “Gintama” kak sledstviye protsessa globalizatsii [Bilingual puns in anime “One Piece” and “Gintama” as a result of globalization]. *Vestnik Kemerovo State University*, 2015, vol. 3, no. 4 (64), pp. 212–216 (in Russian).
3. Crystal D. *Is Welsh Safe?* 1998. URL: <http://www.davidcrystal.com/?id=4216&fromsearch=true#iosfirsthighlight> (accessed 20 August 2019).
4. Zaslavskiy O. B. O zvukosmyslovyykh pereklichkakh i mezhyazykovoy interferentsii v “Vystrele” [Regarding the phonosemantic crossreferences and bilingual interference in “The Shot”]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy – Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 132–143 (in Russian).
5. Elenevskaya M. Dvuyazychnyy yumor immigrantov: yazykovaya igra i sotsial'naya adaptatsiya (na primere smekhovoy kul'tury russkoyazychnykh izrail'tyan) [Bilingual humour of immigrants: wordplay and social adaptation (on the example of humorous culture of Russian-speaking Israelites)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – The Peoples' Friendship University of Russia. Russian Journal of Linguistics*, 2014, no. 3. pp. 7–27 (in Russian).
6. Joyce J. *Finnegans Wake*. Faber & Faber, London, 1975. 628 p.
7. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. Mezhyazykovyy kalambur v russkikh anekdotakh [Bilingual pun in Russian jokes]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog” – Computational linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue”*, 2011, no. 10 (17), pp. 782–789 (in Russian).
8. Knospe S., Onysko A., Maik G. *Crossing Languages to Play with words: Multidisciplinary Perspectives*. Berlin, de Gruyter Publ., 2016. 406 p.
9. Delabastita D. *There's a Double Tongue: An Investigation Into the Translation of Shakespeare's Wordplay, with Special Reference to Hamlet*. Amsterdam, Atlanta, 1993. 522 p.
10. Knospe S. A Cognitive Model for Bilingual Puns. *Wordplay and Metalinguistic. Metadiscursive Reflection. Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection. The Dynamics of Wordplay* (ed. Zirker, Winter-Froemel). Berlin, de Gruyter Publ., 2015. Pp. 152–190.
11. Fedorchuk E. V. *Mezhyazykovaya omonimiya i paronimiya v blizkorodstvennykh yazykakh. Dis. kand. philol. nauk* [Interlingual homonyms and paronyms in closely-related languages. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2001. 257 p. (in Russian).
12. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [The Russian Language. Encyclopedia]. Ed. by Yu. N. Karaulov, Moscow, Drofa Publ., 1997. 327 p. (in Russian).
13. Gal'perin I. R. *Informativnost' yedinit's yazyka* [Informativity of Language Units]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 174 p. (in Russian).
14. Budagov R. A. *Chelovek i yego yazyk (zametki ob otnoshenii lyudey k literaturnomu yazyku)* [Man and his language (Notes on people's attitudes towards the literary language)]. *Voprosy yazykoznaniiya – Questions of Linguistics*, 1970, no. 6, pp. 3–14 (in Russian).
15. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing. *Language*, 1950, no. 26 (2), pp. 210–231.
16. Vinogradov V. S. *Perevod. Obshchiye i leksicheskiye voprosy: ucheb. posobiye* [Translation. General and lexical issues]. Moscow, Knizhnyy dom “Universitet” Publ., 2004. 204 p. (in Russian).

Fomin A. G., Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).
E-mail: andfomin67@mail.ru

Medvedev S. S., Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).
E-mail: smedvedev08@mail.ru